

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3830-2026-1-216-219

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилович,
кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник ФКУ «Научно-исследовательский
институт Федеральной службы исполнения наказаний,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru

МЕТАФОРЫ ЗАТОЧЕНИЯ: НАРРАТИВНАЯ ПРАКТИКА В РАБОТЕ С ОСУЖДЕННЫМИ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕКОНСТРУКЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается нарративная психотерапия как метод работы с осужденными, основанный на концепции метафор заточения, преодоления, вины и наказания. Теоретически обосновывается, что конструирование и переконструирование личной истории позволяет осужденному не только переосмыслить криминальный эпизод, но и интегрировать травматический опыт в целостную автобиографию, совершив переход от роли «преступника» к роли «гражданина». Анализируются механизмы работы с аппетитивной агрессией и травмой, теоретические основы метафоры как инструмента познания и изменения, а также приводятся клинические иллюстрации. Статья предназначена для психиатров, психологов и специалистов пенитенциарной системы.

Ключевые слова: нарративная терапия, осужденные, метафора, травма, аппетитивная агрессия, идентичность, реабилитация, автобиографическая память.

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher,
PKU "Research Institute of the Federal Penitentiary Service

METAPHORS OF IMPRISONMENT: NARRATIVE PRACTICE IN WORKING WITH CONVICTS AS A TOOL FOR IDENTITY RECONSTRUCTION

Annotation. The article considers narrative psychotherapy as a method of working with convicts, based on the concept of metaphors of imprisonment, overcoming, guilt and punishment. Theoretically, it is substantiated that the construction and redesign of personal history allows the convict not only to rethink the criminal episode, but also to integrate the traumatic experience into a holistic autobiography, making the transition from the role of a "criminal" to the role of a "citizen." Mechanisms of work with appetitive aggression and trauma, theoretical foundations of metaphor as a tool of cognition and change are analyzed, as well as clinical illustrations are provided. The article is intended for psychiatrists, psychologists and specialists in the penitentiary system.

Key words: narrative therapy, convicts, metaphor, trauma, appetitive aggression, identity, rehabilitation, autobiographical memory.

Введение: Заточение как физическое и нарративное состояние. Пенитенциарная система по своей сути является пространством принудительной наррации. Человек, попадающий в нее, вынужден постоянно рассказывать и пересказывать историю своего преступления следователю, суду, психологу, комиссии по условно-досрочному освобождению. Однако эта официальная, «протокольная» история часто сводится к голым фактам правонарушения, вырванным из контекста жизненного пути. В результате осужденный оказывается в двойном заточении: как физиче-

ском в пределах камеры, так и нарративном в пределах истории, в которой он фигурирует исключительно как «преступник». Его подлинная, многогранная идентичность, его биография, полная не только падений, но и возможных точек роста, оказываются вытеснены и забыты.

Преодоление этого двойного заточения требует особого терапевтического подхода, который работал бы не с симптомами, а с личной историей. Таким подходом является нарративная практика, в частности, ее специализированная форма для работы с травмированными правона-

рушителями – нарративная экспозиционная терапия для реабилитации осужденных (NET for FORNET) [1]. В ее основе лежит идея, что реконструкция хронологической автобиографии, включающей как опыт жертвы, так и опыт совершения насилия, позволяет переработать травму, снизить уровень агрессии и способствовать изменению роли. Данная статья призвана углубить теоретическое осмысление этого процесса, введя концепцию «метафор заточения» как ключевого нарративного инструмента. Мы полагаем, что сознательная работа с метафорами тюрьмы, освобождения, вины и искупления позволяет осужденному заново осмыслить не только преступление, но и весь свой жизненный путь, восстанавливая связь времен и контекстов.

Теоретико-методологические основания:

Метафора как инструмент познания и изменения. Чтобы понять терапевтическую силу метафоры в работе с осужденными, необходимо выйти за рамки ее литературоведческого понимания как простого украшения речи. Согласно современной когнитивной лингвистике, метафора представляет собой фундаментальный инструмент человеческого мышления, позволяющий осмысливать абстрактные и сложные понятия через более конкретные и телесные образы [2]. Как отмечают исследователи, метафора – это не просто стилистическая деталь, а способ структурирования нашего восприятия мира [3]. В научном познании метафоры выступают в качестве «метафорообразов», которые репрезентируют абстрактное знание через ассоциацию с общеизвестным прототипом, выполняя незаменимую эвристическую функцию.

В контексте психотерапии и, в частности, работы с осужденными, этот когнитивный механизм приобретает особую значимость. Жизненный путь человека, совершившего преступление, часто характеризуется ощущением «разрыва» с обществом, с моральными нормами, с собственным «допреступным» «я». Описать этот опыт и связанные с ним переживания вины, стыда, изоляции или, напротив, агрессивного возбуждения прямым языком чрезвычайно трудно. Здесь на помощь приходят метафоры. «Тюрьма» перестает быть только зданием с решетками, но становится метафорой состояния души, отношений, зависимостей или травмирующих воспоминаний, из которых, как кажется, нет выхода. «Освобождение» становится не только выходом за ворота колонии, но и внутренним процессом избавления от навязанной роли, от власти прошлого, от деструктивных паттернов мышления.

Работая с подобными метафорами, терапевт помогает осужденному экстернализовать проблему, что является ключевым приемом нарративной терапии [4]. Преступление, агрессия, зависимость или травма отделяются от идентич-

ности человека, представая не как сущностные черты его характера («я – монстр»), а как внешние силы, которые вторглись в его жизнь («меня захватила волна насилия»). Этот сдвиг критически важен, так как он создает психологическое пространство для сопротивления проблеме и восстановления личного агентства. Человек больше не является проблемой; у него есть проблема, которую можно исследовать, оспаривать и, в конечном счете, преодолевать, переписывая свою историю.

Психобиографический контекст: на стыке травмы и агрессии. Эффективная нарративная работа с осужденными невозможна без понимания специфической психобиографии, характерной для многих из них. Эмпирические исследования демонстрируют высокую распространенность посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) среди заключенных: текущая распространенность достигает 27%, а более 75% пережили хотя бы одно травматическое событие в жизни [5]. Однако травма у этой группы часто носит не только «пассивный» характер (быть жертвой), но и «активный», связанный с совершением насилия.

Здесь необходимо ввести понятие аппетитивной агрессии, формы инструментальной агрессии, при которой совершение насилия воспринимается как увлекательное, волнующее и приносящее положительное возбуждение, своего рода «адреналиновая зависимость». Как описывают ветераны и правонарушители, со временем насилие может трансформироваться из пугающего в нормализованное, а затем и в желанное переживание, подобное тяге к наркотику [1]. В автобиографической памяти такие эпизоды могут кодироваться не только со страхом или стыдом, но и с ощущением собственного всемогущества, кайфа и братской сплоченности. Традиционные подходы, фокусирующиеся только на травме как опыте страдания, игнорируют эту двойственность, что снижает их эффективность.

Нарративная экспозиционная терапия предлагает принципиально иной путь. Она ставит целью создание последовательного, хронологического нарратива жизни, в который интегрируются все значимые переживания – и травмы, и акты насилия. В процессе терапии человек заново проживает эти воспоминания, но в безопасном терапевтическом контексте («здесь и сейчас»), что позволяет разделить эмоции прошлого и настоящего. Ключевым моментом является вербализация как негативных (страх, боль, вина), так и позитивных (азарт, возбуждение) эмоций, связанных с актами насилия. Их контрастирование с текущими чувствами в кабинете терапевта помогает «привязать» эти переживания к конкретному прошлому контексту, лишив их разрушительной силы в настоящем. Таким образом,

разрозненные, болезненные или, наоборот, соблазнительные фрагменты опыта собираются в единую историю, которую можно осмыслить, принять и, что самое важное, завершить. Метафоры здесь выступают как связующая ткань, позволяющая соединить несовместимое: «моя жизнь была как минное поле», «я был в плену у своей ярости», «тот поступок стал тяжким камнем на моей шее».

Методология и практика: этапы нарративной реконструкции. Работа с метафорами заточения в рамках нарративной практики представляет собой последовательный процесс, который можно представить в виде нескольких взаимосвязанных этапов. Этот процесс начинается не с осуждения, а с совместного исследования.

Первый этап: картографирование жизненного ландшафта. Вместе с терапевтом осужденный создает «линию жизни», хронологическую ось, на которую наносятся все значимые события: не только преступления и насилие, но и моменты безопасности, привязанности, достижений и потерь. Уже на этом этапе возникают спонтанные метафоры: «детство – это солнечный остров», «после той драки началась долгая зима». Задача терапевта внимательно фиксировать этот образный язык, который является прямым выходом в эмоциональный и ценностный мир клиента.

Второй этап: экстернализация и наименование «проблемы-в-истории». Опираясь на язык самого клиента, терапевт помогает выделить доминирующие деструктивные сюжеты. Это может быть не просто «агрессия», а «Дракон гнева», пожирающий все на своем пути; не «зависимость», а «Золотая клетка», которая манила блеском, но лишила свободы; не «преступление», а «Тень», которая навсегда легла между ним и его семьей [4]. Этот прием, заимствованный из общей нарративной терапии, в пенитенциарном контексте приобретает особую мощь, так как позволяет отделить сущность человека от совершенного им деяния.

Третий, центральный этап: нарративная экспозиция и реконструкция. Это кропотливая работа по подробному, сенсорно-насыщенному рассказу о ключевых травматических и насильственных эпизодах в их хронологической последовательности. Терапевт мягко направляет клиента, помогая ему оставаться в контакте с болезненными воспоминаниями, но одновременно удерживая связь с безопасным настоящим. В процессе этого рассказа старые, ригидные метафоры («я – отброс общества») начинают давать трещины, уступая место более сложным и динамичным образам. Человек может осознать, что был не «монстром», а «заблудившимся в тумане солдатом, который сам стал мишенью». История перестает быть плоской и однотонной, наполняясь оттенками, контекстами и, что критически

важно, выбором. Даже в условиях жестокой детской травмы или давления криминальной среды клиент обнаруживает эпизоды, где он проявлял осторожность, жалость или попытку сопротивления. Эти «уникальные эпизоды», по терминологии Майкла Уайта, становятся краеугольными камнями для новой, предпочитаемой истории [6].

Наконец, четвертый этап: ритуализация и проецирование в будущее. Созданная в терапии новая история нуждается в закреплении. Этому может служить написание писем (которым не обязательно отправляться) значимым людям из прошлого, создание документа (автобиографической повести, графического романа) или символический ритуал прощания с «проблемой-в-истории». Важнейшей частью является развитие «видения будущего», нарратива о жизни после освобождения, где человек видит себя не рецидивистом, а гражданином, родителем, работником. Здесь метафора заточения окончательно трансформируется: если раньше вся жизнь воспринималась как тюрьма, то теперь прошлое преступление может быть осмыслено как «трудный, но пройденный тоннель», ведущий к иному пониманию свободы и ответственности.

Клиническая иллюстрация: от «солдата войны» к «ветерану жизни». Для иллюстрации вышеизложенных принципов рассмотрим абстрагированный случай из практики пенитенциарного учреждения. Пациент С., 32 года, отбывает срок за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в составе группировки. В анамнезе жестокое обращение в детстве, ранняя уличная социализация, опыт как жертвы, так и инициатора насилия. На первой сессии его самопрезентация укладывается в жесткую метафору: «Я брошенный танк на поле боя. Ни своих, ни чужих. Только ржавею». Эта метафора выражала его восприятие себя как обесчеловеченного, бесполезного объекта, застрявшего в прошлом конфликте.

В процессе картографирования и экспозиции выяснилось, что ключевым травматическим эпизодом, предшествовавшим его первому серьезному правонарушению, была неспособность защитить младшую сестру от насилия со стороны отца. Стыд и ярость от этой беспомощности он позднее компенсировал демонстративной жестокостью в уличных «разборках», где испытывал то самое «боевое опьянение» со смесью страха, власти и братской эйфории. В терапии он научился разделять эти переживания: «Тогда, в подворотне, я чувствовал себя богом. Сейчас, рассказывая, я чувствую только тяжесть и горечь».

Постепенно метафора стала трансформироваться. С. начал говорить о себе не как о «танке», а как о «солдате, который забыл, за какую сторону воюет». Работа с «уникальными эпизодами» выявила факты, не вписывавшиеся в

его криминальную идентичность: он тайно покупал продукты одинокой соседке-старушке, а однажды отказался «разобраться» с человеком, увидев в нем испуг, похожий на испуг его сестры. Эти эпизоды стали основой для альтернативного сюжета, но не о «воине», а о «защитнике». К концу терапии его ключевая метафора изменилась: «Моя жизнь была как крепость. Я долго думал, что сижу в ней в осаде, а оказалось в плену. Пора открывать ворота». Эта новая метафора отразила обретенное понимание своей роли в создании барьеров и появившуюся готовность к изменению. Его «видение будущего» включило в себя образ работы плотником («собирать, а не ломать») и восстановления отношений с сестрой.

Заключение и перспективы. Нарративная практика, осмысленная через призму работы с метафорами заточения, предлагает глубокий и уважительный подход к реабилитации осужденных. Она не стремится минимизировать тяжесть содеянного или найти ему простые оправдания. Ее цель сложнее: помочь человеку восстановить целостность своего жизненного нарратива, интегрировав в него темные и светлые главы, опыт страдания и причинения боли, чувство вины и потенциал для искупления. Метафоры служат здесь не украшением, а основным инструментом смыслопорождения, позволяющим перевести невыразимый внутренний опыт на язык истории, которую можно пересмотреть, пережить заново и, в конечном счете, переписать.

Теоретическая и практическая ценность этого подхода заключается в преодолении редукционизма [7]. Он позволяет увидеть в осужденном не «носителя антисоциального расстройства» или «злую волю», а автора запутанной, часто трагической жизненной повести, который утратил контроль над своим сюжетом. Возвращая ему авторство, терапевт создает условия для подлинного изменения идентичности от заточенного в роли преступника к свободному автору собственного будущего. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на изучение специфики метафорических языков разных категорий осужденных, разработку стандартизированных протоколов интеграции нарративных методов в пенитенциарные программы и измерение долгосрочного эффекта такой работы на рецидив и социальную реинтеграцию.

Список литературы:

- [1] Hecker T., Hermenau K., Crombach A., Elbert T. Treating traumatized offenders and veterans by means of narrative exposure therapy // *Frontiers in Psychiatry*. 2015. Vol. 6. P. 80. DOI: 10.3389/fpsyt.2015.00080.
- [2] Жуков Д. С., Лямин С. К., Барабаш Н. С. Гносеологические и онтологические метафоры в истории науки // *Евразийский Союз Ученых*. 2015. № 10-3 (19). С. 55–57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gnoseologicheskie-i-ontologicheskie-metafory-v-istorii-nauki> (дата обращения: 27.01.2026).

article/n/gnoseologicheskie-i-ontologicheskie-metafory-v-istorii-nauki (дата обращения: 27.01.2026).

[3] Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём / пер. с англ. под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

[4] Gong Y., Gong N., Zhang Z., He Y., Tang H. Effect of Narrative Therapy-Based Group Psychological Counseling on Internet Addiction among Adolescents // *Iranian Journal of Public Health*. 2022. Vol. 51, no. 6. P. 1331–1338. DOI: 10.18502/ijph.v51i6.9678.

[5] Искандаров Р. Р. Посттравматическое стрессовое расстройство у комбатантов в местах лишения свободы // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*. 2025. № 4. С. 29–31. EDN ZNXVSA.

[6] White M., Epston D. *Narrative Means to Therapeutic Ends*. New York: W. W. Norton & Company, 1990. 229 p.

[7] Искандаров Р. Р. Пенитенциарная психиатрия в философском аспекте: онтология, антропология, эпистемология, аксиология // *Образование и право*. 2025. № 9. С. 296–299. EDN SGGGZE.

References:

- [1] Hecker T., Hermenau K., Crombach A., Elbert T. Treating traumatized offenders and veterans by means of narrative exposure therapy // *Frontiers in Psychiatry*. 2015. Vol. 6. P. 80. DOI: 10.3389/fpsyt.2015.00080.
- [2] Zhukov D.S., Lyamin S.K., Barabash N.S. Epistemological and ontological metaphors in the history of science//*Eurasian Union of Scientists*. 2015. № 10-3 (19). S. 55-57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gnoseologicheskie-i-ontologicheskie-metafory-v-istorii-nauki> (дата обращения: 27.01.2026).
- [3] Lakoff J., Johnson M. *Metaphors that we live with*/trans. Ed. And with a foreword. A.N. Baranova. M.: URSS Editorial, 2004. 256 s.
- [4] Gong Y., Gong N., Zhang Z., He Y., Tang H. Effect of Narrative Therapy-Based Group Psychological Counseling on Internet Addiction among Adolescents // *Iranian Journal of Public Health*. 2022. Vol. 51, no. 6. P. 1331–1338. DOI: 10.18502/ijph.v51i6.9678.
- [5] Iskandarov R.R. Post-traumatic stress disorder in combatants in prisons//*Penal system: law, economics, management*. 2025. № 4. S. 29-31. EDN ZNXVSA.
- [6] White M., Epston D. *Narrative Means to Therapeutic Ends*. New York: W. W. Norton & Company, 1990. 229 p.
- [7] Iskandarov R. R. Penitentiary psychiatry in the philosophical aspect: ontology, anthropology, epistemology, axiology//*Education and law*. 2025. № 9. S. 296-299. EDN SGGGZE.